

Побеленная известью небольшая кирпичная церковь, вязкий туман на монастырском дворе, окруженном высоким бетонным забором, несколько двухэтажных зданий из шлакоблоков, пурпурная пышная сирень, отягощенная каплями недавно прошедшего дождя – все слилось для Оксаны в главное ощущение этого места: тишины, некой загадочности и непостижимо-скромного величия. Вдоль забора тянулась недавно скошенная лужайка. Пронзительно сладко и по-домашнему уютно пахло сеном. Девушка вдруг поняла, что пришла она сюда надолго, и одновременно ее настигло еще одно, казалось, несвоевременное ощущение. Надолго... Но не навсегда.

Любой монастырь – это семья. В обители, куда направили Оксану, семья состояла из сорока пяти насельниц, которые все свое время отдавали иной жизни: молились, работали, отдыхали, и все сообщая – как в большой, доброй патриархальной семье. А точнее, матриархальной, поскольку во главе женского монастыря стояла игуменья – матушка Степанида. Обитель была интернациональная – в ней жили послушницы из России, Украины, Белоруссии, Грузии. Поначалу Оксана была трудницей, то есть вместе с другими женщинами, согласными безвозмездно поработать во славу Божию, выполняла самую трудную и грязную работу. Но никто не роптал – здесь таким не место. Жили они в тесной монастырской гостинице, где даже кроватей на всех не хватало. Их сдвигали попарно, чтобы лечь могли сразу трое. За день трудницы уставали так, что едва голова касалась подушки, так тут же крепкий сон поглощал их труды и заботы. Но уже в шесть часов утра нужно было подниматься, чтобы после молитвы и короткого завтрака снова выполнять свои обязанности: чистку коровника, разборку кирпич-

ных стен старой трапезной и туалета, окучивание картофельного поля. Да мало ли было работы в хозяйстве, к коему отродясь не прикасались крепкие мужские руки?

Несмотря на вечернюю усталость, Оксана каждый раз просыпалась около четырех часов утра, когда предрассветную вязкую тишину разрывали протяжные удары колокола. Девушка поспешно одевалась и, перекрестившись, выходила в коридор. Лунный свет бледно-зеленым пятном поднимался со скрипучего пола и нехотя уходил через прямоугольник окна в низкое черное небо к своему источнику. Если выглянуть в этот проем, то можно было увидеть тускло мерцающие кресты над храмом, синюю тень колокольни, побледневший от ночного светила монастырский двор, пушистый, серо-лиловый от пионов, цветник перед крыльцом гостиницы. Таинственный, прозрачный и благоуханный туман окутывал купол церкви. Оксана скоро спускалась по деревянной лестнице, выходила во двор и по асфальтированной дорожке спешила к храму. Колокол звучал чаще и настойчивей. Ко входу, отдавая поклоны и крестясь, подтягивались к заутренней службе монахини. Вместе с ними Оксана заходила внутрь церковного предела. На клиросе читали псалмы. От колеблющегося огня свечей золотились иконостасы, мягко теплились лампадки перед образами. Все было как обычно, но каждый раз, входя в храм, Оксана испытывала непередаваемое, особое потрясение. Словно кто-то большой, сильный и неимоверно добрый прикасался к ее плечу. Она подходила к распятию и на некоторое время замирала пред Спасителем. Начиналась служба, и, отойдя в угол храма, Оксана погружалась в легкое, тягучее и благостное забвение. Иногда в ее сознании мелькали рассеянные образы той,

мирской жизни, откуда она недавно пришла. Но тут же, не успев стать узанными, они исчезали. Однажды после чтения «Символа Веры» девушка вдруг подумала: «Как хорошо, что в эту лунную ночь, когда люди спят, несколько десятков неизменно уставших за день насельниц предстоят перед Богом, любовно и благоговейно направляя к Нему свои души!»

После окончания службы все монахини, приложившись к кресту и иконам, отправлялись в трапезную. Инокнии настороженно относились к вновь прибывшим в обитель женщинам и общения с ними не искали. «Мир», откуда пришли новенькие, они справедливо считали грешным, однако высокомерия к нему и его обитателям никто и никогда не высказывал. Монахини раскланивались с трудницами приветливо и слегка покровительственно.

Одна из инокинь — старица Марфа — обратила внимание на регулярные посещения Оксаной заутренних служб и подошла к девушке, чтобы познакомиться.

— Давно в монастыре, сестра? — спросила она дружелюбно и даже ласково.

— Вот уже шесть недель скоро будет, — тихо ответила девушка.

— А какое твое святое имя и крещенная ли ты?

Оксана пожалала плечами и опустила голову.

— В каком месяце появилась на свет Божий, отроковица? — инокиня прикрыла старческие глаза и вздохнула.

— В декабре, — улыбнулась девушка.

— Не зубоскаль понапрасну: Спаситель твой распят, а ты смеешься, — перекрестившись, монахиня переспросила: — В декабре, говоришь? Хорошо, очень хорошо, — сказала старица, как будто было особенно хорошо, что Оксана родилась именно в этот зимний месяц, — значит, именоваться Варварой будешь.

В редкие минуты свободного времени она, по привычке поглаживая сухонькой ручкой свое морщинистое лицо, объясняла Оксане закон Божий, растолковывала порядок и суть православных богослужений. Много душевной пользы принесло от-

роковице сближение с монахиней. Старица видела благое стремление понятливой девушки и со всемерением многоопытной души спешила посвятить ее в тайну величия Божьего.

Вскоре прилежность девушки в работе, ее молитвенное усердие заметила матушка Степанида, и, приняв таинство Крещения, Оксана стала послушницей. А через полтора года спокойная, рассудительная, смиренная девушка была назначена келейницей инокини Марфы — прислужницей, то есть, как говорят миряне.

— Господь привел тебя в наш дом, сестра Варвара, — сказала игуменья, оглядывая собравшихся по такому поводу насельниц. — Куда бы она пошла? К кому бы прибегла со скорбями своими и недоумением к суете, к злобе мирской? Тяжкий крест — сиротство, — вздохнула настоятельница. — Но еще горемычнее сиротство духовное. Плачет горько сирота такая на распутице жизненной, зовет своего защитника и благодетеля, но теряется ее голос скорбный в сумраке. Бредет она дальше во тьме поникшая, не видя света, и думает: «Куда я пойду? Дышать тяжело, ноги устали, а отдохнуть негде». И плачет, плачет, плачет... — матушка Степанида вскинула голову, сверкнула очами, осенив себя крестным знамением. — «Яко скоты мы все когда-то были привязаны к яслям вертепа», но увидел Господь мытарства наши и послал нам Духа Святого. Теперь-то мы знаем: нет скорбей — нет и спасенья. Наше дело терпеть, молиться и любить, — игуменья снова обвела взглядом подопечных. — Ничего, что сестра Варвара была бродяжкой. Да и не только она одна... Однако нищета и смирение — принадлежность благочестивого, и, преступив порог святой обители, ты приблизилась к Господу, — перекрестилась матушка Степанида. — Земная жизнь дана нам для того, чтобы каждый из нас избрал свободно или Создателя, или врага Его — чью волю человек исполняет здесь, на земле, с тем он будет и после смерти. Каждая, вошедшая сюда, должна возродиться Духом Святым и сделаться другим человеком — с новым умом, новым сердцем и обновленной волей, ибо сказано: «кто во Христе, тот новая тварь».

Оксана слушала настоятельницу, и волнение ее сменялось необыкновенной радостью, и может даже счастьем, которого она никогда прежде не испытывала. «Раньше я чувствовала себя никому не нужной, ничтожной пылинкой, которой-то и под ногами нормальных людей валяться за честь было. Разве что Славка иногда дарил ощущение, своей значимости, нужности хотя бы ему, — девушка тряхнула головой. — Не ко времени я думаю о своем бывшем друге». — Однако кто-то другой, внутри ее, тут же возразил: «Почему — о бывшем? Ты еще с ним обязательно встретишься». «Бесы! — ужаснулась Оксана. — Бесы искушают... Да еще в такой момент! — она вспомнила наставления старицы Марфы, о том, что враг всегда будет усиленно хлопотать возле нас, и что в моменты искушения и маловерия надо творить молитву Иисусову. — Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную», — зашептала девушка, и тут же Славкин образ стал размытым и далеким, а через пару секунд и вовсе исчез.

Шли дни, недели, месяцы. Оксана освоила работу вышивальщицы и многие часы проводила за рукоделием, за которым так хорошо было читать молитвы. Все проходит. И ушла в прошлое прежняя бродяжья жизнь, постепенно покрываясь дымкой забвения. Оксана, следя за снующей по полотну иглой, вспоминала ту жизнь и раздумывала над ней, будто издалека наблюдая, как пятились в темную пустоту небытия кладбищенские нищие: хитроватый дядя Саша, глуповато-пошлая Любка, наглый Гунявый... Оксану вдруг передернуло от внезапно нахлынувшего отвращения. Девушка вздохнула. И Славка... Где он и что с ним сейчас? Иногда во время этих раздумий наступали часы жестокой меланхолии, бесполезности и тщетности своего поступка — ухода в монастырь. Нет ничего труднее для послушницы, возможно, будущей монахини, чем борьба с унынием. Оксана опускалась на колени и неистово молилась, сосредоточенно осеняя себя крестным знаменем. Не без борьбы, но враг отступал.

Через несколько лет все смешалось — не скажешь,

была ли она в шайке бомжей или это лишь случилось? Не забывала Оксана лишь своего горбатого напарника по церковной паперти: оставила для милого уродца маленький уголок в своем сердце. В темноте комнаты, под монотонное сопение старицы Марфы, чуть улыбнувшись, она иногда представляла Славкино лицо, но тут же спешно крестилась: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную». На исповедях она не говорила о своих ночных воспоминаниях, сама себя убеждая: ну какой это грех? Так... Просто вспомнила человека... Однако в глубине души знала, что греховные это помыслы, хотя ни о чем низменном Оксана и не помышляла.

Прошел еще год. Через неделю после Светлого праздника Пасхи, на Радоницу, матушка Степанида сказала, что несколько монахинь (в их числе была названа и келейница старицы Марфы послушница Варвара) поедут на пашковское кладбище, где находится могила инока Георгия. У Оксаны екнуло сердце: именно на этом погосте она несколько лет обитала вместе с бомжами.

Игуменя кратко рассказала о житие старца. Инок Георгий прожил свою земную жизнь (67 лет) в пригороде Краснодара. С детства он был болящим — от рождения ноги его остались как у годовалого ребенка, а туловище было взрослого мужчины. С юных лет мать воспитывала сына в православном духе, приобщая его к общению с Богом. Задолго до принятия иноческого пострига, она духовно готовила сына к другой, чем у мирян, жизни.

Все, кому доводилось встречаться с отцом Георгием, подчеркивали самую главную черту в его характере — несмотря на свои болезни, старец всегда встречал всех с улыбкой, радостью и любовью. Многим посетителям инок Георгий открывал волю Божию об их дальнейшем жизненном пути. По молитвам старца люди получали духовную помощь и утешение.

Главный молитвенный подвиг отца Георгия состоял в том, что он вымаливал не только души грешных матерей, совершивших грех детоубийства, но и души младенцев, убиенных в утробе материнской.

После смерти старца люди посещают вместо кельи его могилку и, молитвенно обращаясь к отцу Георгию, получают в ответ ту же помощь и утешение, что и при жизни инока. Господь же, по его молитвам, подает не только просимое, но и полезное для спасения того или иного человека.

К кладбищу тянулся нескончаемый людской поток. В этот день — на Проводы или Родительский день, как называют Радоницу местные жители, — люди старались навесить своих умерших родственников и друзей. Столики у могил были покрыты скатертями, на которых возлежала разнообразная снедь и непременно высились бутылки со спиртным. Каждый из посетителей погоста считал своей обязанностью выпить рюмочку-другую за упокой усопших близких. Шныряли по кладбищу и опустившиеся пьянчужки, с трудом передвигающиеся от одного захоронения к другому. Неумело крестясь, они подходили к очередной могилке и бормотали: «Будет ему земля пухом!» Родственники, естественно, наливали стопку. Некоторые из выпивох, громко похрапывая, уже лежали на майской травке.

Инокиня Марфа ворчала:

— Ну скажите мне, сестры, кто придумал приносить водку на кладбище в этот день? Ведь только бесов этим ублажаем! И почему батюшки в храмах не просветят народ? — она косилась на неуместные тризны, осеняя себя крестным знамением. — Господи, прости нам прегрешения наши.

Оксана с любопытством оглядывалась по сторонам. На погосте мало что поменялось за эти годы. Лишь город мертвых, потеснив кирпичный забор и заняв большую часть пустыря, увеличился в несколько раз. Да старые, оббитые жостью, деревянные ворота заменили на новые — металлические. Сторожка появилась... вместе с охранником, который, видимо, эти ворота и открывал. В окошке дернулась занавеска и мелькнуло чье-то лицо. Оксана, мгновенно остановившись, всматривалась в давно немытые стекла. «Он!» — в ее груди неистово зашлось сердце, — или не он?»

— Что с тобой, сестра Варвара? — наклонилась к ней старица.

— Нет, ничего... — Оксана вытерла со лба пот и, наконец, сдвинулась с места. — Показалось, сестра Марфа.

Возле захоронения инока Георгия стояло много людей. Они держали в руках зажженные свечи и время от времени крестились. Церковные певчие читали Псалтырь. Среди верующих людей в этом городе, наверное, не было человека, который бы ни видел или хотя бы ни слышал о старце Георгии. Перед смертью он говорил, чтобы страждущие ходили к нему на могилку и просили помощи — он поможет. Вот люди и шли к нему... И в скорбях и в радостях. Старица Марфа подошла к могилке и поклонилась.

— Прости нас ради Бога, батюшка Георгий, — она осенила себя крестным знамением.

Приблизившиеся к ней остальные монахини начали читать положенную в таких случаях кафизму: «Блажени непорочнии в путь, ходящие в законе Господни...» После молебна каждая из сестер подходила к могилке инока и, поклонившись праху старца, спрашивала что-то свое, сокровенное. Оксана, взглядевшись в благочестивое лицо на обелиске, неожиданно для себя прошептала:

— Скажи, батюшка, как мне быть: искать ли мне своего суженого или забыть его навеки?

В ответ печально зашелестели листочки на березах, да громче обычного зачирикали воробьи в высоких кронах. И вдруг Оксана явственно услышала:

— Ищи, милая, ищи... Твое место в миру.

— Что-то все же с тобой происходит, сестра Варвара, — старица Марфа разглядывала Оксану, когда они шли от могилки отца Георгия к кладбищенским воротам, — лицо побледнело, глаза твои огнем горят нездоровым, руки дрожат, как в ознобе... — она ладонью прикоснулась ко лбу девушки. — Уж не захворала ли ты?

— Нет, сестра Марфа, не болею я телом, — в глазах у Оксаны появились слезы, — душой я занемогла, — она взяла в руку сухонькую ладонь старицы: — Исповедаться я хочу сегодня вечером. Выслушаешь?

— Бог с тобой, — монахиня перекрестила девушку, — конечно, выслушаю.

В распахнутое окошко заглядывал узкобокий месяц. В келье пахло сиренью и ладаном. Возле иконы Божьей Матери теплилась свечка. Все, как на духу, без утайки рассказала Оксана старице Марфе. Про детство, которого, по сути, не было, про цыганский табор, про жизнь среди бомжей на кладбище, про страшные вещи, которые совершили над ней Гунявый, а затем дядя Саша, — девушка прикоснулась пальцем к своему страшному шраму на лице. И про единственное светлое пятно в ее несчастной судьбе — Славку. И как, потеряв его, утратила всякую надежду. А что есть человек без веры в будущее? Да и вообще — без веры? Но Господь указал ей на путь, ведущий к храму. А она что? Оксана тяжело вздохнула.

— Увидела я Славку сегодня на кладбище. Вернее, почувствовала. И уверена — это был он. Права ты была, сестра Марфа: случилось там со мной что-то, — инокиня опустила голову, — словно подменили меня на погосте, — она обхватила руками голову. — Что же мне теперь делать, скажи?

Тихо стало в келье. Лишь оранжевый огонек потрескивал на кончике свечи, отбрасывая на стены беспокойные тени. Долго молчала старица. Наконец заговорила:

— Видно, так Богу угодно, — она перекрестилась на иконы. — Запомни главное, сестра Варвара: можно и вне монастыря быть монахиней, но и в обители можно стать миряночкой, а то, — не приведи Господь, — и грешницей. Если ты в Духе Святом, благословенна будешь — хоть сейчас на страшный суд Христов, ибо в чем застанет, в том и судить будет. Если же нет, то надобно разбираться, отчего Господь оставил тебя. Или ты оставила Его, — голос инокини Марфы становился все тверже.

— Да, грешна я — не могла за все эти годы убраться человека из сердца своего, — Оксана опустила на колени.

— Христос спасает тех, кто осознал свою греховность, — старица прикоснулась ладонью к голове девушки. — Отчего ж на исповеди раньше об этом не говорила? Тайна в душе послушницы — знак

смерти духовной, и никогда тебе не стать инокиней, — вздохнула она. — Хорошо, хоть открылась...

Посидели молча. На монастырском дворе прокукарекал петух. На востоке начало сереть небо; мерцающая, гасли последние пурпурные звезды. Тягучий ночной туман растекался по верхушкам сосен.

— Сейчас к заутрене начнут звонить, — сестра Марфа отвернулась от окна. — У батюшки Георгия совета просила?

— Просила, — кивнула Оксана. — В мир послал...

— Я ж и говорю, что на все воля Божья, — старица перекрестила бывшую келейницу. — Ангела Хранителя тебе, сестра... — запнулась она. — Какое мирское имя носила?

— Оксана, — улыбнулась девушка.

— Ксения, значит... Пойдем на службу, сестра Ксения. А затем иди с Богом... — инокиня Марфа закрыла окно. — Матушке Степаниде я сама все расскажу.

В ту самую минуту язык колокола тронул потемневшую медь, и первые бархатно-маслянистые звуки поплыли над уже проснувшейся обителью.

После заутрени Оксана покинула монастырь. ■